

Никита ЛУГОВОЙ (О. М. СОМОВ)

**Письмо к издателю «Литературных прибавлений»
и о «Вечерах на хуторе близ Диканьки»,
и о критике на них Г. Полевого, и о прочем**

Милостивый Государь!

Прочитав в 79-м № ваших Литературных Прибавлений статью о книге: *Вечера на хуторе близ Диканьки*, мы, ваши усердные читатели, поверили на слово А. С. Пушкину, из письма коего помещена рецензентом выписка, и со всею охотой принялись читать помянутую книгу. В самом деле, с первого раза мы увлеклись живостью и богатством воображения, непритворною веселостью Автора, яркою живостью картин природы, часто обаятельною новостью выражения и верностью, как нам казалось, нравов и быта Малороссийских поселян, выведенных на сцену Пасичником *Паньком Рудым*. Очарование наше продолжалось бы, Бог весть до коих пор, когда бы 17-й № Московского Телеграфа, по примеру старших, особливо прошлогодних своих братьев, хотя на полгода опоздал своим появлением. Но этот роковой №, как на зло, вышел только чрез полтора месяца после срока; и хотя в книжке, долженствовавшей появиться в первых числах Сентября, мы не надеялись найти библиографической статьи о книге, вышедшей в свет, как известно, гораздо позже означенного времени, однако же мы были приятно удивлены, нашед в часто поминаемом № Телеграфа слишком 4 страницы о *Вечерах на хуторе*. Теперь, не во гневе А. С. Пушкину и вам, Г. Издатель Литературных Прибавлений, вера наша в вас обоих сильно поколебалась. Г. Полевой, проехавший Малороссию до *Азовского моря* (жаль, что не означено, по какому маршруту), видевший Малороссиян около *Курска* и *Воронежа*, знающий Малороссийскую песню: «*Шуме и гуде*», — Г. Полевой,

утверждающий, что Малороссияне говорят *Славяно-Русским наречием Несторова времени*, нашедший у поселян Малороссийских хаты, складенные из *кривых деревьев*, и высказавший все сии верные наблюдения и замечания в своей рецензии на Историю Малороссии Г. Бантыш-Каменского (см. 18-й № Москов. Телегр. 1830 г.), — Г. Полевой конечно знает Малороссию не по слуху, почерпал свои сведения не в *раззолоченных кабинетах*, в коих ему угодно было поместить Пасичника¹ *Рудаго Панька*. И мы верим Г. Полевому, которого этнографические сведения столь же не подвержены сомнению, как и его познания в языках Санскритском, Еврейском, Греческом и Римском. *Fotii epistolis, Гринусье, sent*, принятые за *пять* и *vaisselle* за *белье*, ничего не доказывают против нашего Лингвиста: все это явные опечатки или описки, не больше. Нас не убедило даже и то, что нам толковал один Малороссиянин (вероятно приятель пасичника Рудаго), будто бы 3-е лицо единств. числа настоящего времени изъяв. наклонения глагола *шуметь*, Малороссиянами выговаривается не *шуме*, а *шумыть*, будто бы Г. Полевой слышал эту песню не в Малороссии, а в каком-нибудь *дивертиссементе*, данном на Московском театре; что будто бы даже это песня столь же народная в Малороссии, как: *Я в пустыню удаляюсь*, в Великороссийских селениях; что: *И шумыть, и гуде*, есть песня горожан Украинских и выдумана Уланскими вербовщиками, лет за пятнадцать пред сим рассевавшимися по Малороссии. Все это говорил нам Малороссиянин, конечно с досады за своего земляка, или из зависти к Г. Полевому, знающему Малороссию лучше туземцев одного края. Но мы верим только Г. Полевому, и вам советуем верить ему. Послушайте, М. Г., что говорит он о пасичнике Паньке Рудом и его *Вечерах на хуторе*: «Воля ваша, мы своим Русским умом не понимаем этого высокопарения; но понимаем то, что это писал не пасичник и не Малороссиянин! Если бы выписывать все ваше высоко-беспонятно-летание, то рука устанет...» И в этом случае Г. Полевой совершенно прав: нам кажется, что *выписывать летание* рука не только устанет, но даже и не поднимется. И далее: «Довольно; мы видим, что вы самозванец пасичник; вы, сударь, Москаль, да еще и горожанин. Но дело не в том. Будьте вы хоть житель раззолоченного кабинета в Петербурге, да умейте сказывать сказки хорошо — мы вам поклонимся за них; а не, не погневайтесь». — Это *не погневайтесь* чрезвычайно нас напугало: что значит сие грозное *quos ego*?

Выпишем еще одно *дале* Г. Полевого: «Далее, при недостатках слога, при несвойственной роле, при бедности воображения, вы еще вовсе не умеете *сражаться с читателем* на всякой строчке, не умеете увлекать его подробностями, не умеете *быть ловким в смешном*, и всего менее, умеете шутить». Что скажете вы на это, Г. Издатель Литературных Прибавлений? Что скажете вы в защиту пасичника? Устоят ли вся история *красной свитки*, сцена Хиври с Поповичем, гульба парубков и пр. и пр., словом, все, что казалось нам забавным и ловким в рассказах Панька, — против сих столь ясных, столь неотразимых доказательств Г. Полевого? Пусть он не подкрепил их выписками или ссылками; но на что это? Человек, видевший Малороссиян около *Курска и Воронежа*, не имеет нужды прибегать к средствам критиков обыкновенных. Так поступают всегда люди с умом самостоятельным, с высшими взглядами. Приведу вам в пример остроумного Француза, Mr. de Vascarille. Этот Mr. de Mascarille однажды говорил об Англии самым решительным тоном, и разумеется, не в похвалу. Некто из его слушателей обратился к нему с вопросом: «Mais, Monsieur, avez-vous vu le pays don't vous parlez?» — «Je vous demande pardon, Monsieur», отвечал Monsieur de Mascarille: «je n'y ai jamais été; mais feu mon oncle devait y aller». — Доказательство Г. Полевого о *живости* Голландца Саарвайерзена не менее убедительно. «Таков творческий дар», говорит он. «Ему нет надобности жить между Голландцами, между Поляками, Русскими или Малороссиянами: он *дернул* волшебной ширинкой — и они перед вами».

Мы имеем печатные свидетельства тому, что сам Г. Полевой не раз *дернул* таким образом — и вот мы лицом к лицу увидели Симеона Кирдяпу, Суворова и даже Мстислава удалого, за которого Историк Русского Народа столь дельно и столь вежливо побранил покойного Карамзина. Но вот еще одно замечательное место из критики на сказки Рудаго Панька; Г. Полевой обращается к Литераторам, скрывающим настоящие имена свои под вымышленными, с следующим воззванием: «что у вас за страсть быть Валтер-Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, гг. Сказочники, хотите быть *великими незнакомцами*?» И прав Г. Полевой: сам он, *великий наш знакомец*, подает благо разумный пример всем Русским писателям; ибо, каково бы ни было его произведение, он не обинуясь подписывает под ним свое имя и никогда не прикрывается *псевдонимом*, хотя, бесспорно, сам чаще всех В.-Скоттствует в своих повестях, ясным и верном зеркале

старой и новой Руси. Каким *ловко-смешным* образом, на пример, он поставил на ходули нашего Суворова на *Краковском замке!* Как победоносно *сражается с читателем* в *Симеоне Кирдяпе*, обмотав завязку веревкой, в которую запутывается одно из действующих лиц! *Вот художник!* Сколько раз вы сами, верно, хохотали от души над этими чудаками Немцами, без которых Г. Полевой не может обойтись даже и тогда, когда местом действия выбирает Сибирь, а героем повести — Сахатого.

Заключу письмо мое тем же, чем и начал, т. е., что отныне мы, ваши читатели, не станем безусловно верить ни вам, ни А. С. Пушкину, когда дело будет идти о Малороссии, а наперед сличим ваши суждения с суждениями Г. Полевого, как писателя, глубоко-проникнувшего в рудники нравов, обычаев, преданий и поверий Малороссийских. Он видел Малороссию до Азовского моря, — ему и книги в руки.

И. ч. б. и пр.

Никита Луговой.

P. S. Если Панько Рудый не читал еще статьи Г. Полевого о *Вечерах на хуторе*, то вы, Г. Издатель Л. П., не слушайте его 17-го Телеграфа: пасичник, я слышал, человек всегда готовый высказать самые резкие истин, да еще и языком Малороссийского прямодушия. Он, пожалуй, в состоянии повторить Г. Полевому то, что уже сказал одному из его собратий, Журналистов, в предисловии своем ко 2-й повести *Вечеров на хуторе* (см. стран. 81, строк. 1, до конца 4-й строки).

